

СЕГОДНЯ наша газета впервые представляет творчество Ларисы Сониной, хотя ее имя уже известно в литературном мире Южного Урала.

Лариса родилась в Павловске Алтайского края. Окончила Уральскую государственную юридическую академию. Кандидат юридических наук, доцент кафедры права Магнитогорского государственного технического университета. Лауреат всероссийского конкурса молодых поэтов (Челябинск, 1998). Публиковалась в журналах «Урал», «Уральская новь», в коллективных сборниках Москвы и Екатеринбурга. Лариса – автор трех стихотворных книг и одного романа.

Человек зависит от случайностей

> Век двадцатый – век необычайностей, двадцать первый – пафосный совсем

Китайские мотивы

I
Надзор за садами

лекарственных трав...
Когда-то прошла ты здесь, помню.
Крестьянки, одежды свои подобрал,
Спускаются в каменоломни.

Пусть редкой травы набирают они...
Но, веришь ли, как тяжело мне
Весь век ожидать, не несут ль огни –
Когда-то прошла ты здесь, помню.

В молебно прошла
иль в прибежище грез –
Исчезла, как дивная сказка,
И мокрою стала от сдержанных слез
Моя головная повязка.

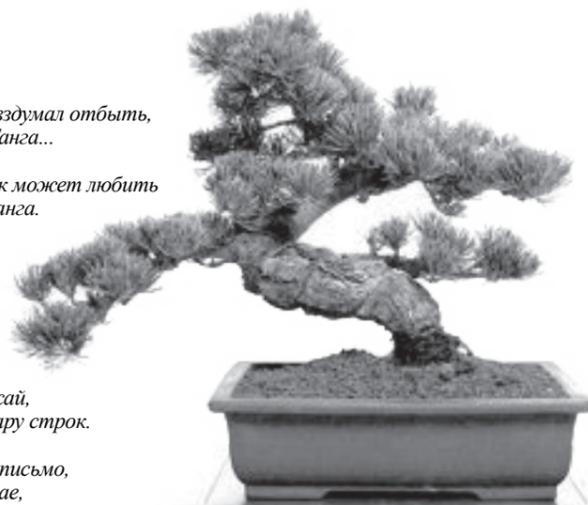
Край юбки парчовой в росе намочил –
Поверь, я росы не заметил!
Блуждая по редкостным травам без сил,
И слушал меня только ветер.

Я к северным варварам вздумал отбыть,
Иль к югу, к излучинам Ганга...
Ведь ты и не знаешь,
как может любить
Чиновник четвертого ранга.

II
Если пишешь принцессе
письмо,
Постарайся молчать
о страданье.
Опиши свой
лимонный бонсай,
Да про службу добавь пару строк.

Если пишешь принцессе письмо,
Умолчи о завядшем бонсае,
Это может ее огорчить,
Что никак не возвысит тебя.

Если пишешь принцессе письмо,

А лимонное деревце – вянет,
Постарайся его оживить,
Переписку оставь на потом.

Говорить себе вечное нет

***

Заболевши, уехавши, вымре,
В перепутьях чухонских планет,
На вокзале, то летнем, то зимнем,
Говорить себе вечное нет.

И, вдыхая отраву Медеи,
Прошептат: «Далеко до беды».
И сухую ладонью Кацера
На столешнице пыльной следы

Воробьиные гладить да гладить,
Водку пить да микробов губить...
Мармеладить, любить, шоколадить!
А потом умереть и забыть.

***

Эта ночь бессонной будет,
Это счастье было глупым,
Это детство было ранним –
Во младенчество ушло.
Это утро было светлым,
Это небо было звонким,
Словно флейта крысолова
Или синее стекло.

Или синие стекляшки...
Поэтическая прелесть,
И безделка, и бездумка,
Вольность, лезть, игра, покой...
Ожила твоя безделка,
Перебивши редкой рифмой
Грохот косточек вишневых
В подоконник жестяной.

...Это сердце было лишним.

***

Эта водка по имени «Стопка»,
Этот наш золотой самопал –
К недалекому прошлому тропка
Или к городу, что запропал
В девяностых, таких виноватых,
Несуразных и громких годах,
И оставил, скатавшись, как вата,
Целлюлозную пыль на губах.

Расцветают тени на воде

Во время войны Станислав Лем
работал автослесарем и участвовал
в Сопротивлении.

Википедия

Человек зависит от случайностей,
Говорил всегда Станислав Лем.
Век двадцатый – век необычайностей,
Двадцать первый – пафосный совсем.

Старый друг шагает мимо мостика,
Полицейский крадется как тать.

Ничего, ни ластика, ни хлястика,
У тебя, поляк, не отобрать.

Ибо горд, красив, теперь вот беден.
Бог отвел Освенцим, Терезин
Эхом католических обеден,
Наступленьем многих долгих зим.

Автослесарь думает о праздниках,
Чудных играх, золотых словах,

Полицай – о близнецах-проказниках
И еврейских мертвых головах.

Так идут они, еще не зная,
Списователь и покорный чтец,
Что отныне судеб их кривая
Разойтись не сможет ни на нец.

Вот они шагают мимо мостика –
Город Львов, простреленный везде,
Белый флаг над площадью полощется,
Расцветают тени на воде.

Душа стирает вечный грим

***

Остаток сласти в пузырьке –
Осколки счастья былого.
Как на вневременной реке
Кольшиется такое слово,
Что, кажется, проговорить
Его – равно,

что выиграть удачу,
Кольцо, серебряную нить
И птицу Феникс к ним в придачу.

Какой душевный аноним
Мог бы пресечь

такую нежность?
Душа стирает вечный грим,
И незаметная небрежность
Уже не кажется судьбой,
А кажется преображеньем.
И надо жертвовать собой,
И словом, и небес круженьем.

Когда соломинка в глазу,
Все ложным выглядят
и нежным:
И взглядом птицу на весу
Удержишь в день
золото-снежный.

Хотя, что толку в маете
Всевидающего птицелова?!
...Остаток сласти в пузырьке,
Ошметки счастья былого.

***

Шанхай какой-то, право слово,
Меня разбудят в шесть утра.
Гостеприимнейшего крова
Коснется летняя жара.

Фэн-шуй шорох мелодичный...
Все праздник, все остаток сна –
Журнал потрепанный
столичный
И вид из низкого окна.

Повсюду ленточки, сердечки,
Хоть сор в углу недометен,
И мяч лежит у темной печки,
А за мячом – мышинный схрон.

И мышь еще погрызла кабель...
Но, чтоб забыла маету,
Ты улыбнешься, милый жабер,
С монеткой медною во рту.

Пошли мне, жаба, много денег,
Здоровья, счастья и удач.
Переворачиваю веник,
В окно выбрасываю мяч.

***

Где ты, пани, пани Магда?
Пани больше не вернется,
Пани позабыла город,
Пани разлюбила шляхту
И теперь в своем поместье

Вышивает серебром,
Шоколадом поит дворню.
Я ведь знаю пани Магду,
Кринолины дарит девушкам,
Ведь отцовское наследство
Ни к чему ей, ни к чему...
Не лечило от любовей
Пани Магду вышиванье,
Лишь лечило от любовей
Путешествия в Мадрид
Да охотничьи забавы,
Да французских филозофов
Сочинения, да лето,
Да поклонники-поэты,
Кутежи и мотовство.

Где же Магдино поместье?
Надо бы за Магдой съездить,
Успокоить, образумить
И в Варшаву привезти.

Не узнаем мы, где пани,
Позабыла пани город,
Разлюбила пани шляхту,
Неизвестно, где поместье,
Знаем только: далеко.
Горе, пани позабыла!
Горе, пани разлюбила!
Лишь на память глаз остались
Подведенных уголки.
Только кисть белой жасмина,
Только карты ночью длинной,

Только имя Магдалина
Да проценные грехи.

***

Забывши детство, варварство,
стихи,
Чужих молитв
поблажки и угрозы,
Лошажьей черепа, сырые мхи
И хитрый дар
карельския березы.

И желтыми коростами обид
Заклеив душу и измучив тело,
Не время ли
отправиться на Крит,
В Эллады
благодатные пределы?
Но вера отпечаталась
в горстях

Соловчатой, сырой,
дремучей грустью,
И снова не удержишься
в гостях,
Дорогу ищешь в дом,
родной и ждущий.
И рыжая тропка уводит вниз,
И этот голос,
звонкий и зовущий,

И варвар, и растущий барбарис,
И варвар, друг,
и барбарис цветущий.